А 199/109.
12104-0
2007466850
263
8ш-17
1674
А 199/109

КЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

И

ХРИСТІАНСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Шестаго мая текущаго года воспитанниками Лицея Цесаревича Николая исполнена была на греческомъ языкѣ трагедія Софокла *Антигона*. Явленіе это, чрезвычайно рѣдкое въ нашей школьной жизни, встрѣчено было всѣми кому посчастливилось быть на спектаклѣ съ восторженнымъ сочувствіемъ и вызвало не мало толковъ и разсужденій и въ остальномъ обществѣ. Оно и понятно; слишкомъ многознаменательно это явленіе чтобы можно было оставить его безъ вниманія кому бы то ни было изъ тѣхъ кто, съ одной стороны, знакомъ съ древнимъ классическимъ міромъ, а съ другой, принимаетъ близко къ сердцу интересы воспитанія нашего юношества. Цѣлый рядъ вопросовъ самыхъ жгучихъ и размышленій самыхъ серіозныхъ невольно является въ сознаніи при одномъ сопоставленіи этихъ двухъ фактовъ—греческая трагедія и русская школа. И намъ кажется что замалчивать эти вопросы и размышленія просто непозволительно уже во имя того одного, что они касаются нашего юношества—нашей надежды, нашего будущаго.

Вотъ почему вмѣстѣ со многими другими и я рѣшаюсь высказать тѣ думы и мысли, которыя вызвалъ во мнѣ указанный фактъ.

Не о высокихъ художественныхъ достоинствахъ этого классическаго произведенія древне-греческаго поэта и не объ исполненіи его воспитанниками Лицея моя рѣчь; объ этомъ сказали, а можетъ быть и еще скажутъ другіе, болѣе свѣдущіе чѣмъ я. Я не стану распространяться даже и объ этическомъ значеніи этой трагедіи для нашего юношества, что̀ собственно больше чѣмъ что-либо другое интересуетъ меня въ этомъ фактѣ. Объ этомъ этическомъ значеніи прекрасно по своей художественной мѣткости сказано руководившимъ лицейскимъ спектаклемъ г. Грингмутомъ въ статьѣ его, помѣщенной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* №№ 51 и 69 сего года, „Греческая трагедія въ русской школѣ“ *.

---

* Изъ трагедіи *Антигона* авторъ останавливается на характерѣ самой Антигоны, отмѣчая въ ея самопожертвованіи въ пользу брата приближеніе ея къ христіанскому идеалу любви и приводя слова ея о загробной жизни и божественномъ правосудіи. Но наряду съ этими изъ добрыхъ помысловъ совѣсти вытекающими добрыми дѣяніями Антигоны (Рим. 1, 15), въ нравственномъ характерѣ ея достойно вниманія и ея отношеніе къ сестрѣ, которой она не могла простить ея боязливой нерѣшительности. Какимъ-то холодомъ вѣетъ отъ этой самодовлѣющей правдивости идеализованной язычницы не знающей любовнаго прощенія. Это-то собственно, думается мнѣ, и важно отмѣтить въ нравственномъ характерѣ Антигоны, важно отмѣтить именно то что она не могла даже знать этого слова прощенія; ибо это слово—Христово слово, съ неба принесенное Имъ. Потому-то намъ, привыкшимъ съ дѣтства слышать его, такъ и важно иногда лицомъ къ лицу въ живыхъ образахъ показать,

Мой вопросъ шире и касается вообще воспитательнаго значенія классицизма для нашего православнаго юношества,—того, о чемъ говорилъ между прочимъ въ названной статьѣ и г. Грингмутъ; такъ что лицейскій греческій спектакль является собственно исходнымъ пунктомъ моей статьи.

Само-собою разумѣется, что не повторять мысли г. Грингмута намѣренъ я въ своей статьѣ; это было бы по меньшей мѣрѣ излишне. Еще меньше можетъ быть вопросъ о спорѣ съ нимъ; съ этими мыслями я не только вполнѣ согласенъ, а и глубоко сочувствую имъ. Рѣдко приходится слышать такія смѣлыя, горячія, здравыя и глубокія мысли о значеніи классицизма для нашего юношества. Мнѣ хотѣлось бы только еще дальше и шире развить эти мысли въ ихъ практическомъ приложеніи по отношенію къ религіозному воспитанію, и развить въ томъ именно духѣ и направленіи, въ какомъ выказываются они г. Грингмутомъ по отношенію собственно къ классицизму.

I.

Какъ помнятъ, конечно, читатели основная мысль г. Грингмута въ вопросѣ о значеніи классическихъ писателей въ системѣ христіанскаго воспитанія та что изученіе античнаго міра—несомнѣнно передоваго по отношенію къ намъ въ интеллектуальномъ и эстетическомъ отношеніи, но стоящаго позади насъ въ религіозно-этическомъ, невольно само собою должно приводить воспитанниковъ классической школы къ убѣжденію не только въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ въ религіозно-этическомъ отношеніи, а и въ ложности язычества и несоизмѣримой съ нимъ божественности христіанства.

Выясняя это воспитательное значеніе классицизма, г. Грингмутъ, между прочимъ, указываетъ и на Отцевъ нашей церкви, „которые соединяли въ себѣ въ удивительномъ согласіи человѣческую мудрость эллинскую съ вѣчною мудростію Божественной благодати“, но указываетъ на нихъ только такъ сказать мимоходомъ. Конечно, авторъ и не могъ иначе какъ мимоходомъ сказать объ этомъ предметѣ въ своей статьѣ, въ которой доказываемая этимъ фактомъ мысль не главная. Тѣмъ не менѣе предметъ этотъ таковъ что о немъ стоитъ повести и особую рѣчь. Историческія, опытныя доказательства какой бы то ни было истины всегда убѣдительнѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на насъ чѣмъ отвлеченныя, разсудочныя. Не даромъ исторія считается учительницею народовъ; тѣмъ справедливѣе, конечно, это должно быть по отношенію къ христіанской исторіи.

Итакъ, повести особую рѣчь о Св. Отцахъ церкви, какъ защитникахъ классицизма, далеко не излишне, тѣмъ болѣе что въ нашей духовной литературѣ еще въ прошедшемъ году появилось замѣчательное по своимъ научнымъ достоинствамъ изслѣдованіе по этому вопросу нынѣ ректора Кіевской Академіи, архимандрита Бориса, подъ заглавіемъ: *Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко римской образованности.* *

какъ на самыхъ высокихъ ступеняхъ духовнаго развитія естественному человѣку, не просвѣщенному свѣтомъ Евангелія и не облагодатствованному церковію трудно и даже прямо невозможно было самому подняться до благодати и истины принесенныхъ Христомъ. Еще яснѣе и потому достойнѣе нашего вниманія въ трагедіи *Антигона* противоположеніе язычества христіанству въ отношеніи выведенныхъ въ трагедіи лицъ къ самоубійству, которое представляется ихъ сознанію естественнымъ и ничуть не законно-преступнымъ дѣяніемъ. Нравственное безсиліе чуется христіанскому сердцу въ этихъ рѣшеніяхъ языческихъ героевъ.

* О высокомъ научномъ достоинствѣ этого двухтомнаго труда отца Бориса въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ (*Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Пр.*) сказано между прочимъ такъ: „Не подлежитъ сомнѣнію что въ ряду богословскихъ работъ, обнародованіе результатовъ которыхъ выпало на долю органа Казанской Академіи (*Прав. Соб.*, гдѣ первоначально печаталось изслѣдованіе отца Бориса), наибольшею научностію и всесторонними достоинствами отличаются статьи бывшаго профессора Казанской Академіи, печатающіяся въ журналѣ подъ общимъ заглавіемъ: *Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко римской образованности.* Хорошо извѣстный своими разнообразными трудами всѣмъ интересующимся произведеніями современной философско-богословской мысли, авторъ отмѣченныхъ нами статей поражаетъ читателя широтою эрудиціи и неутомимымъ трудолюбіемъ. Не говоря уже о новѣйшей иностранной литературѣ, онъ, какъ видно, прекрасно изучилъ по подлинникамъ и древнюю греко-римскую литературу. Святоотеческія творенія, сочиненія другихъ христіанскихъ писателей, классическія произведенія языческихъ авторовъ — всѣ и одинаково знакомы нашему автору. Намѣченный имъ общій вопросъ ученый авторъ разсматриваетъ во всей его возможной полнотѣ и многосторонности, не обходя молчаніемъ ни одного предмета, такъ или иначе соприкасающагося съ общею темой его капитальнаго изслѣдованія. Намѣреваясь представить исторію христіанскаго просвѣщенія, архимандритъ Борисъ всюду старается сохранить безпристрастіе исторіи.

Собственно начало этому сочиненію положено было авторомъ еще въ 1884, когда онъ издалъ небольшую брошюру: *Вопросъ о классикахъ. Взглядъ на его исторію, его современное состояніе и значеніе.* Это сочиненіе служитъ введеніемъ въ его исторію, первый выпускъ которой появился въ 1885 году, въ прошедшемъ же году появился лишь второй выпускъ этой исторіи, посвященный вопросу о христіанскомъ просвѣщеніи въ его отношеніи къ классическому образованію въ IV—V вѣкахъ. Этотъ-то собственно выпускъ и имѣетъ существенный интересъ для насъ, для дальнѣйшаго развитія и болѣе прочнаго обоснованія того положенія г. Грингмута что классическое образованіе не только не стоитъ въ противорѣчіи или въ разладѣ съ задачами именно христіанскаго воспитанія нашего юношества, но какъ нельзя болѣе способствуетъ и содѣйствуетъ задачамъ этого именно воспитанія.

Тутъ предъ нами является грандіозная историческая картина переработки и усвоенія христіанствомъ античной образованности. Со времени Константина Великаго вслѣдствіе наступившей внѣшней свободы и спокойствія, христіане получили всѣ средства заняться своимъ просвѣщеніемъ и свободно могли пользоваться классическою образованностію. И мы дѣйствительно видимъ что эти вѣка были временемъ самаго высокаго состоянія христіанской науки и литературы, всѣ отрасли богословской науки достигли высшей степени своего процвѣтанія, безсмертныя творенія представителей церкви того времени образовали собой золотой вѣкъ христіанскаго просвѣщенія.

Въ какомъ же отношеніи стояло это просвѣщеніе къ древне греческому классическому міру? Какое значеніе имѣлъ для него этотъ античный міръ, по скольку онъ живъ былъ въ его литературныхъ памятникахъ?

II.

Отвѣчая на эти вопросы, отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ что христіанское юношество того времени, получавшее религіозное воспитаніе въ семьѣ, въ церкви, и нерѣдко въ монастыряхъ, научно образовывалось въ языческихъ школахъ грамматиковъ, риторовъ и философовъ. Общеизвѣстными свидѣтелями этого служатъ свв. Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и другіе—всѣ почти замѣчательные св. Отцы и Учители церкви IV и V вѣковъ, получившіе образованіе въ языческихъ школахъ и подъ руководствомъ языческихъ наставниковъ, каковы Ливаній, Гомерій и др. Извѣстно также что Василій Великій велъ переписку съ Ливаніемъ, а Григорій Богословъ писалъ письма къ софисту Стагирію, къ Евдоксію и др. Важное значеніе классическаго образованія для христіанства ясно сознавалъ злѣйшій врагъ христіанства императоръ Юліанъ-отступникъ, всѣми мѣрами старавшійся лишить христіанъ права и возможности получать это образованіе.

Какую пользу могло получать христіанское юношество изъ этого образованія, состоявшаго главнымъ образомъ въ изученіи языческихъ классическихъ писателей, поэтовъ, историковъ, ораторовъ, философовъ и другихъ ученыхъ, и получало ли оно дѣйствительно эту пользу, это всего яснѣе видно изъ прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ тѣхъ самыхъ свв. Отцовъ и Учителей церкви которые сами прошли это образованіе; а свидѣтельствъ этихъ дошло до насъ не мало.

Такъ первый по времени и знаменитѣйшій изъ отцовъ IV вѣка св. Василій Великій посвятилъ этому вопросу о пользѣ и характерѣ изученія христіанскимъ юношествомъ классической литературы особую рѣчь πρὸς τοὺς νέους, ὅπως ἂν ἐξ ἑλληνικῶν ὠφελοῖντο λόγων—къ юношамъ о томъ какъ пользоваться

языческими сочиненіями. Въ этой рѣчи, имѣющей тѣсную связь съ нравственно педагогическимъ трактатомъ Плутарха. *Какимъ образомъ юноши долженъ слушать поэтовъ* высказывается та основная мысль что изученіе классическихъ писателей должно для христіанскаго юношества имѣть значеніе пропедевтики къ высшимъ занятіямъ богословскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ содѣйствовать облеченію христіанской истины въ изящную словесную форму. Другими словами, изученіе классическихъ писателей, содѣйствуя интеллектуальному и эстетическому развитію юношества, должно показать какъ недосягаемо высоко стоитъ христіанское ученіе сравнительно съ язычествомъ даже въ лицѣ лучшихъ представителей послѣдняго. Мысль, какъ видитъ читатель, та же самая что и въ указанныхъ вами рѣчахъ г. Грингмута.

То же самое въ сущности воззрѣніе на классическое образованіе проводилъ и св. Григорій Богословъ въ своемъ похвальномъ словѣ св. Василію Великому; и по нему классическое образованіе вмѣстѣ съ Священнымъ Писаніемъ должно быть положено въ основу христіанскаго просвѣщенія; въ его наставленіяхъ о благоразуміи въ пользованіи классическими твореніями, точно также какъ и въ предостереженіяхъ св. Іоанна Златоустаго отъ злоупотребленія этимъ чтеніемъ, проходитъ та же мысль что чтеніе это должно быть критическимъ и непремѣнно соединяться съ нарочитымъ указаніемъ лживости языческихъ вѣрованій и недостаточности его нравоученій.

Не менѣе важными по своему значенію и не иного характера по своему содержанію являются далѣе свидѣтельства свв. Отцовъ и Учителей западной церкви этого періода, св. Амвросія Медіоланскаго, блаж. Іеронима Стридонскаго и Августина Иппонскаго. Въ своемъ сочиненіи *De officiis ministrorum*, составленномъ по образцу цицероновскаго *De officiis*, св. Амвросій нерѣдко прямо подтверждаетъ свои мысли цитатами изъ классическихъ писателей; а блаж. Іеронимъ настолько считалъ необходимымъ для дѣтей классическое образованіе что даже самъ въ послѣдніе годы своей жизни рѣшился принять на себя скромную профессію грамматика. Что касается блаж. Августина, то ни у кого изъ западныхъ церковныхъ писателей вопросъ о классикахъ не разсмотрѣнъ съ такою ясностью и обстоятельностью какъ у этого великаго учителя. Особенно ясно и обстоятельно высказывается имъ учевіе о пользѣ и важности классическаго образованія въ его трактатахъ: *De ordine* и *De doctrina Christiana*, и составленный имъ планъ общеобразовательнаго курса наукъ почти всецѣло усвоенъ былъ западными школами Среднихъ Вѣковъ.

Еще болѣе наглядно и потому убѣдительно выясняется указанное значеніе классическаго образованія для христіанскаго просвѣщенія изъ разсмотрѣнія самыхъ твореній названныхъ свв. Отцевъ и Учителей церкви IV и V вѣковъ,—тѣхъ твореній, которыя говорятъ не только о чистотѣ, высотѣ и глубинѣ христіанскаго вѣрованія самихъ творцевъ ихъ, но и служатъ для насъ всѣхъ наилучшими руководителями въ усвоеніи этого вѣрованія. Поэтому и въ изслѣдованіи о. Бориса анализу этихъ твореній именно въ ихъ отношеніи къ классикамъ посвящена вся послѣдующая добрая половина его объемистаго труда.

И что же? Анализъ этотъ показываетъ что древняя греко-римская образованность имѣла громадное вліяніе и на внѣшнюю и на внутреннюю стороны христіанской науки и литературы; вліяніе это выразилось и въ формахъ той и другой, и въ пріемахъ изложенія мыслей, и въ стилѣ и наконецъ въ самомъ ихъ содержаніи.

Особенно важное значеніе вліянія грекоримской образованности на самое содержаніе христіанской науки и литературы сказалось, по взгляду автора, въ томъ что христіанскіе ученые, разработывавшіе различныя отрасли науки, пользовались результатами древней грекоримской науки, на основаніи которыхъ они и дѣлали свои изслѣдованія. Отсюда грекоримская наука и литература получаютъ значеніе фундамента, на которомъ строится зданіе новой христіанской образованности. Какую бы науку ни взяли мы, начало ея лежитъ въ классической древности, и христіанскіе ученые являются только продолжателями

дѣла, начатаго учеными античнаго міра. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ богословская наука христіанъ, но и она развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ греко-римскаго классическаго образованія, грекоримской науки и литературы.

Особенно поучительны въ разсматриваемомъ отношеніи тѣ выводы, къ которымъ неизбѣжно приводитъ анализъ апологетическихъ твореній отцевъ IV и V вѣковъ, каковы: „Евангельское приготовленіе“ и „Евангельское доказательство“ Евсевія Кесарійскаго, „Врачеваніе эллинскихъ недуговъ или познаніе Евангельской истины изъ эллинской философіи“ блаж. Ѳеодорита, „О градѣ Божіемъ“ блаж. Августина и др. Самое заглавіе названныхъ твореній отеческихъ показываетъ что знакомство этихъ свв. Отцевъ и Учителей съ языческими сочиненіями послужило для нихъ лучшимъ средствомъ и орудіемъ къ защитѣ и выясненію истинности и божественности христіанства. Не менѣе того достойно вниманія и то обстоятельство что христіанскіе писатели въ своихъ богословскихъ твореніяхъ пользуются языческими сочиненіями не съ отрицательными только цѣлями, а и съ положительными, съ цѣлью заимствованія изъ этихъ сочиненій фактовъ и мыслей, служащихъ къ подтвержденію и выясненію христіанскаго ученія, напр. доказательствъ бытія Божія, безсмертія души и т. п.

Послѣднимъ и важнымъ историческимъ доказательствомъ основнаго положенія г. Грингмута о значеніи классическаго образованія для христіанскаго просвѣщенія, доказательствомъ заимствуемымъ изъ той же древней исторіи христіанскаго просвѣщенія, служитъ фактъ окончательнаго паденія грекоримскаго язычества въ VI и слѣдующихъ вѣкахъ.

Паденіе это сопровождалось закрытіемъ языческихъ школъ со времени эдикта Юстиніана 529 года, паденіемъ неоплатонизма, и враждебнымъ отношеніемъ христіанской черни къ памятникамъ античной образованности и къ ея представителямъ; но несомнѣнно въ тѣсной связи со всѣмъ этимъ явился упадокъ духовнаго просвѣщенія и у самихъ христіанъ. Правда, въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ классическому образованію не стояли ни духовенство, ни монастыри. Но что могли сдѣлать для этого просвѣщенія одни они? Они могли только сохранить перешедшіе къ нимъ памятники древней греко-римской образованности отъ окончательной гибели ихъ, и они дѣйствительно сохранили ихъ до эпохи Возрожденія, до того времени, когда эти памятники сдѣлались для Европы главною основой новаго, плодотворнаго просвѣщенія. Въ это же время, когда классическое образованіе снова стало процвѣтать и изученіе классической литературы снова усилилось, начался подъемъ и самаго богословскаго образованія: вмѣсто средневѣковой схоластики, сухой и безжизненной, началось живое, разумное и основательное изученіе самыхъ основъ вѣры христіанской, слова Божія и твореній отеческихъ. Несомнѣнно что это усиленіе богословскаго образованія въ эпоху Возрожденія не только совпало по времени съ разцвѣтомъ классицизма, но и совершилось подъ его воздѣйствіемъ; ибо одни и тѣ же лица были выдающимися дѣятелями на томъ и другомъ поприщѣ...

Какой же практическій выводъ можетъ быть сдѣланъ изъ этого бѣглаго историческаго очерка христіанскаго просвѣщенія въ его золотой періодъ по отношенію къ вопросу объ отношеніи классицизма къ христіанству, о значеніи его въ системѣ именно христіанскаго воспитанія, пользѣ его и характерѣ пользованія?

Очевидно выводъ этотъ тотъ же самый какой выраженъ и въ основныхъ положеніяхъ г. Грингмута, именно тотъ что классицизмъ понимаемый въ его истинномъ смыслѣ не какъ только образовательный механизмъ, а какъ усвоеніе содержанія, уясненіе духа жизни античной, не только не вредитъ христіанскимъ задачамъ воспитанія, а наоборотъ, содѣйствуетъ имъ, уясняя чрезъ противопоставленіе язычества съ христіанствомъ истинность и божественность христіанства, способствуя къ болѣе глубокому пониманію его и болѣе твердому убѣжденію въ немъ.

III.

Если же такъ, если представленная нами исторія христіанскаго просвѣщенія подтверждаетъ собой высокое значеніе классицизма какъ образовательной системы и уясняетъ отчасти самый характеръ его, именно то что для достиженія этого значенія онъ долженъ состоять не въ одномъ механическомъ изученіи формъ этихъ языковъ, а самаго духа ихъ содержанія — въ живомъ, сознательномъ и любовномъ усвоеніи всего *умственнаго и эстетическаго богатства* этихъ формъ и этого содержанія и въ ясномъ представленіи его *духовной бѣдности*; то нельзя ли теперь сдѣлать и обратнаго заключенія, то-есть нельзя ли изъ защищаемаго г. Грингмутомъ положенія, подтвержденнаго нами исторически, о характерѣ, способѣ и задачахъ изученія классицизма, какъ положенія опытно руководительнаго, вывести заключеніе о томъ, каково именно должно быть въ нашей христіанской школѣ изученіе самаго христіанства, какою постановкой этого изученія можно достигать тѣхъ высокихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей къ которымъ оно направлено?

Самъ г. Грингмутъ въ указанной нами статьѣ своей, посвященной главнымъ образомъ вопросу о важномъ значеніи и способахъ примѣненія практическаго изученія классицизма, въ послѣдней главѣ этой статьи дѣлаетъ это заключеніе, высказываясь за необходимость такого же живаго практическаго изученія и христіанства, за какое стоитъ онъ для классицизма. Не даромъ эпиграфомъ этой главы поставлено изреченіе: *воспитывайте дѣтей не внѣ Церкви и не рядомъ съ нею, а въ самой Церкви и вмѣстѣ съ нею*. Но г. Грингмутъ, высказывая это заключеніе и доказывая принципіально его необходимость и законность, не развиваетъ и не разъясняетъ его съ практической стороны. Это конечно, замѣтимъ опять, и не входило въ его задачу. Но потому-то мы и намѣрены самому разъясненію этого именно вопроса *о постановкѣ преподаванія Закона Божія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ* посвятить вторую половину своей статьи, имѣя въ виду приложить къ этому вопросу ту же мѣрку какую г. Грингмутъ приложилъ къ классицизму.

Мы думаемъ что для того чтобы и Законъ Божій какъ воспитательно-образовательное средство имѣлъ плодотворное значеніе не только такое же какъ и классицизмъ, а и еще гораздо большее сравнительно съ классицизмомъ, какъ требуетъ того и самое достоинство предмета, для этого нужно поставить и преподаваніе его такъ же, какъ, по словамъ г. Грингмута, должно быть поставлено изученіе классицизма.

Основное положеніе г. Грингмута въ вопросѣ о постановкѣ классицизма въ нашихъ гимназіяхъ заключается въ томъ что гимназія должна не только сообщить своимъ воспитанникамъ основательное *знаніе* древнихъ языковъ, но и внушать имъ *любовь* къ древне-классической литературѣ, основанную на непосредственномъ знакомствѣ съ ея великими произведеніями. „Классическую литературу можно, говоритъ онъ, любить только тогда, когда ее близко знаешь, а близко знать ее безъ серіознаго изученія нельзя. Съ другой стороны, чѣмъ больше ее любить, тѣмъ больше хочешь ее знать, тѣмъ внимательнѣе ее изучаешь. Средствомъ къ основательному изученію этой литературы должно быть обстоятельное изученіе самаго языка прежде всего въ классѣ. Классное же преподаваніе можетъ возбудить въ ученикахъ любовь къ читаемымъ авторамъ, когда оно ведется не сухо и схоластически и вяло, а живо, наглядно и убѣдительно.“

О преподаваніи же Закона Божія г. Грингмутъ говоритъ: „Увеличеніе числа уроковъ Закона Божія никоимъ образомъ дѣлу помочь не можетъ; каждый лишній урокъ явится лишь поводомъ къ еще большему накопленію религіознаго матеріала въ памяти учениковъ“.

Мы вполнѣ согласны съ этимъ положеніемъ и именно въ такой формѣ что эти „лишніе уроки будутъ лишь поводомъ къ еще большему накопленію религіознаго матеріала въ памяти учениковъ“; но вопросъ въ томъ, всегда ли и безусловно? Не слѣдуетъ ли сдѣлать здѣсь какой-либо ограничительной прибавки? По словамъ самаго же г. Грингмута, классные уроки могутъ быть только лишнимъ и потому ненужнымъ балластомъ въ одной только памяти учениковъ, въ такомъ лишь случаѣ, когда эти уроки будутъ сухи, схоластичны, вялы, и съ другой стороны будутъ касаться такихъ ненужныхъ частностей и подробностей которыя не имѣютъ никакого общаго интереса, или какъ говоритъ онъ же въ другой своей брошюрѣ, изданной въ прошедшемъ году (*Нашъ классицизмъ*) когда эти уроки ведутся неумѣлымъ преподавателемъ, безъ любви, безъ увлеченія и убѣжденія. Но въ рукахъ такого преподавателя и уроки по классическимъ языкамъ будутъ только поводомъ къ накопленію матеріала лишь въ одной памяти учениковъ, безъ всякаго благотворнаго воздѣйствія этого матеріала на чувство, на сердце учениковъ, или, точнѣе, возбуждая въ нихъ, вмѣсто желанной любви къ предмету, лишь фанатическую ненависть къ нему. И самъ г. Грингмутъ быть-можетъ не разъ слыхалъ что у такихъ деревянныхъ преподавателей ученики зѣваютъ на урокахъ по древнимъ языкамъ даже въ старшихъ классахъ.

Да, мы не раздѣляемъ убѣжденія тѣхъ отцовъ законоучителей которые думаютъ поправить всю бѣду преподаванія Закона Божія однимъ *лишь* увеличеніемъ числа уроковъ; но съ другой стороны мы не согласны и съ г. Грингмутомъ въ томъ что увеличеніе числа уроковъ Закона Божія *никоимъ образомъ* помочь дѣлу не можетъ.

До прошедшаго года, когда въ двухъ старшихъ классахъ гимназій полагалось лишь по одному недѣльному уроку Закона Божія, очень нерѣдко случалось, вслѣдствіе ли праздниковъ приходившихся подъ рядъ на двухъ или трехъ недѣляхъ въ одни и тѣ же дни, или еще почему, что ученики имѣли урокъ Закона Божія въ мѣсяцъ одинъ разъ—одинъ часъ. Неужели это было нормально и ничего не значило въ дѣлѣ религіознаго образованія? Развѣ не правда что въ такихъ случаяхъ отъ одного урока до другаго ученики успѣвали забыть не только содержаніе предыдущаго урока, но и то о чемъ онъ былъ?

Конечно, лишнее знаніе религіознаго матеріала можетъ быть и бываетъ лишь не нужнымъ балластомъ, не дѣлающимъ человѣка болѣе религіознымъ; но это только тогда, когда данный матеріалъ преподается „сухо, вяло, схоластично, безъ убѣжденія“, потому и воспринимается слушающимъ, если только воспринимается одною лишь памятью, безъ всякаго участія чувства, сердца, или когда матеріалъ этотъ касается самыхъ несущественныхъ частностей и мелочныхъ подробностей. Но можно ли назвать такимъ именемъ, напримѣръ хотя бы то чтеніе св. книгъ Новаго Завѣта или твореній отеческихъ, особенно въ подлинномъ ихъ текстѣ? Языкъ Новаго Завѣта сравнительно съ языкомъ классиковъ очень несовершенъ и простъ, слѣдовательно чтеніе его не представляетъ для учениковъ никакихъ трудностей; но на этомъ языкѣ здѣсь выражены такія понятія, такія истины до которыхъ классическій міръ никогда и додуматься не могъ. Какое необъятно великое и высокое содержаніе вложено въ эти древне-греческія формы,—выражено въ этихъ языческихъ по своему происхожденію словахъ! Возьмемъ, напримѣръ, слова: ἀγάπη, Ἐκκλησία, παράκλητος, χάρις, ἀλήθεια, σάρξ, σῶμα, πνεῦμα и мн. др. Выяснить христіанское значеніе этихъ словъ въ отличіи его отъ значенія этихъ же словъ у классиковъ—безпорно и, думаю, существенно важно въ дѣлѣ уясненія сущности вѣры Христовой въ ея противоположности язычеству.

Да, я думаю, напримѣръ, что смыслъ и существо любви христіанской, о которой говоритъ І. Христосъ и Апостолы, въ отличіи ея отъ любви языческой, представительницей которой Софоклъ выставилъ Антигону, всего нагляднѣе и проще могутъ быть выяснены путемъ объясненія значенія слова ἀγάπη, которое даже не употреблялось у классиковъ, въ его отличіи отъ обычныхъ у нихъ ἔρως, φιλία. Въ этомъ отношеніи чтеніе греческаго текста Евангелія никогда не можетъ быть сравнено даже съ чтеніемъ Евангелія на русскомъ языкѣ.

А что̀ сказать о твореніяхъ отеческихъ? Если для выясненія христіанскаго ученія весьма важно познакомиться съ язычествомъ и въ смыслѣ противопоставленія языческаго мі-

ровоззрѣнія христіанскому нужно въ подлинникѣ познакомиться съ классическими твореніями этого язычества, то неужели не важно такое же знакомство съ твореніями отеческими, выясняющими христіанское міровоззрѣніе? Напримѣръ, на ряду съ Цицероновымъ De offiiis прочесть такое же Амвросія неужели это лишь ненужный балластъ?

И то сказать, наконецъ: вѣдь надо же признать справедливымъ что религіозное образованіе должно идти въ уровень со свѣтскимъ, для того чтобъ оно гармонировало съ послѣднимъ, было уравновѣшено съ нимъ въ самомъ такъ-сказать объемѣ своемъ. Иначе, страннымъ является эта неравномѣрность. Изъ классическихъ писателей знаетъ ученикъ на память и стихи, и изреченія, а изъ священныхъ и церковныхъ писателей не знаетъ ничего: не знаетъ книгъ библейскихъ, а о твореніяхъ отеческихъ и не слыхивалъ. Простолюдинъ не знаетъ этихъ твореній и все-таки религіозенъ; но онъ вѣдь и классиковъ не знаетъ...

Итакъ, мы думаемъ что лишніе уроки по Закону Божію не предпримутъ дѣла религіознаго образованія въ томъ лишь случаѣ, если преподаваніе будетъ вестись сухо, схоластично и обращено будетъ на несущественныя частности и подробности, важныя для спеціалистовъ-богослововъ; но мы твердо увѣрены въ томъ что состоявшееся, слава Богу, теперь, хотя кой-какое увеличеніе числа уроковъ Закона Божія и введенное уже теперь въ кругъ существующихъ предметовъ Закона Божія чтеніе Библіи на славянскомъ языкѣ много помогутъ дѣлу религіознаго образованія; мы крѣпко стоимъ за то чтобы, сверхъ этого, введено было чтеніе и избранныхъ твореній отеческихъ, и даже хорошо бы чтобы *то и другое чтеніе было по подлиннику*. О это было бы великое пріобрѣтеніе въ дѣлѣ религіознаго образованія! Не обременяя учениковъ ни трудностію, ни обиліемъ матеріальнаго содержанія, это чтеніе было бы наилучшимъ средствомъ ввести учениковъ въ самый такъ-сказать духъ жизни христіанства, точно также, какъ и чтеніе классиковъ знакомитъ ихъ съ античнымъ міромъ. Ради этого религіознаго матеріала не грѣхъ бы серіозно подумать еще о какомъ-либо увеличеніи числа уроковъ Закона Божія!...

Но довольно объ этомъ, довольно о классномъ преподаваніи Закона Божія, тѣмъ болѣе что и главный центръ тяжести въ разсужденіяхъ о средствахъ къ подъему религіознаго образованія нашего юношества и, по словамъ г. Грингмута, не столько въ вопросѣ о классномъ преподаваніи этого предмета, сколько въ вопросѣ о практическомъ религіозномъ воспитаніи.

IV.

Какимъ же образомъ должно быть поставлено религіозно-нравственное образованіе юношества въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ на практическую почву, для того чтобъ оно было такъ же плодотворно какъ можетъ быть плодотворенъ классицизмъ въ тѣхъ гимназіяхъ въ которыхъ, по словамъ г. Грингмута, для поднятія эстетическаго образованія употребляются практическія средства, въ родѣ спектаклей, литературныхъ вечеровъ и т. п.?

Указывая исходную точку для рѣшенія этого вопроса, г. Грингмутъ ссылается, между прочимъ, на англійскія школы.

„Англійская школа“, говоритъ онъ въ названной выше статьѣ о греческой трагедіи въ русской школѣ, „должна стать во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ для нашей школы, особенно потому что она давно уже осуществила то тѣсное единеніе школы съ церковію, которое для насъ православныхъ еще болѣе необходимо нежели для англійскихъ протестантовъ“. Вслѣдъ за этими словами г. Грингмутъ дѣлаетъ ссылку на англійскія сочиненія Edward Thring (*Education and School*. London 1884 и *The Classics*), въ которыхъ трактуется о томъ какъ въ англійскихъ школахъ практически ведется религіозное воспитаніе наряду съ классическимъ. На основаніи этихъ-то именно сочиненій, равно какъ и другихъ однород-

ныхъ, * отмѣтимъ вкратцѣ единственные пункты религіознаго воспитанія въ англійскихъ школахъ, въ приложеніи ихъ къ нашимъ классическимъ гимназіямъ и вообще средне-учебнымъ заведеніямъ.

Существенное свойство религіозно-нравственнаго воспитанія въ англійскихъ классическихъ школахъ не только среднихъ, а и высшихъ то что оно стоитъ подъ непосредственнымъ и постояннымъ воздѣйствіемъ Церкви, которая является главнымъ руководительнымъ началомъ въ самомъ строѣ всей внутренней не только классной, а и внѣклассной, домашней, такъ-сказать, жизни школы. Церковность эта выражается въ томъ что:

1) При каждой школѣ есть особая капелла, въ которой совершаются ежедневныя молитвенныя богослуженія.

2) Богослуженія эти состоятъ изъ общаго чтенія псалмовъ и пѣнія духовныхъ гимновъ.

3) Въ праздники богослуженіе это совершается съ большою торжественностію и троекратно.

4) За всѣми этими богослуженіями наравнѣ съ учениками обязаны присутствовать и учителя.

5) Директоръ школы большею частію теологъ, т.-е. богословъ, имѣющій право церковной проповѣди.

Словомъ, все то что заповѣдуется Церковію относительно самаго внѣшняго поведенія христіанскаго, — все это со всею неопустительною точностію, какъ священная обязанность, исполняется въ частной жизни школы всѣми принадлежащими къ ней,— не только учащимися, а и учащими и служащими. Такимъ образомъ этотъ церковный характеръ самаго строя внутренней жизни школы служитъ какъ бы живою и наглядною иллюстраціей тѣхъ христіанскихъ истинъ, которыя преподаются на классныхъ урокахъ; то обстоятельство что этотъ строй жизни признаютъ равно священно-обязательнымъ для себя и всѣ наставники и начальники заведенія дѣлаетъ его не только живою и наглядною иллюстраціей теоретическихъ уроковъ Закона Божія, а и авторитетно убѣдительнымъ средствомъ къ проведенію тѣхъ истинъ и началъ въ самую жизнь учащихся, къ закрѣпленію ихъ въ этой жизни. Благодаря всему этому, воспитанники сродняются съ этими началами, проникаютъ въ самый духъ жизни ихъ.

Почти всѣ эти употребляющіяся въ англійскихъ школахъ практическія мѣры или средства религіозно-нравственнаго воспитанія юношества отчасти давно уже практикуются, и отчасти вводятся въ нашихъ духовныхъ школахъ и школахъ народныхъ, такъ-называемыхъ церковно-приходскихъ. И тамъ, и здѣсь это религіозно-нравственное воспитаніе есть воспитаніе въ собственномъ смыслѣ церковное и находится подъ непосредственнымъ руководствомъ и вѣдѣніемъ Церкви; самый строй внутренней жизни школы носитъ церковный характеръ, выражающійся въ живомъ участіи и учащихъ и учащихся въ ежедневныхъ предучебныхъ молитвахъ и праздничныхъ церковныхъ богослуженіяхъ и другихъ церковно-обрядныхъ установленіяхъ.*

Но есть ли что-либо подобное въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ и другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, стоитъ ли религіозно-нравственное образованіе въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ Церкви? Если же нѣтъ, то какъ достигнуть этого и можетъ ли это нововведеніе имѣть такія же благотворныя слѣдствія какія имѣетъ оно въ англійскихъ и нашихъ народныхъ школахъ?

Вотъ вопросы, надъ которыми сто-

* На русскомъ языкѣ можно найти достаточныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ статьѣ напр. г. Будзько въ журналѣ *Вѣстникъ Воспитанія*, 1890 года, кн. первая: „Мысли Нѣмца объ англійской школѣ“. Въ этой статьѣ изложено содержаніе книги Раценбургскаго субъ-ректора г. Райдта объ англійскихъ школахъ, которыя посѣтилъ онъ во время спеціальнаго объѣзда ихъ по порученію пріюта Бисмарка. Ср. также въ Календарѣ Лицея Ц. Николая за 1872—73 годъ статью: „Ѳома Арнольдъ, директоръ англійской публичной школы въ Рогби“.

* Какъ проводятся и прививаются въ нашей народной школѣ эти практическія мѣры религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей въ духѣ Церкви, объ этомъ можно судить по школамъ г. Рачинскаго, о которыхъ не мало свѣдѣній сообщаются въ нашихъ журналахъ и газетахъ.

ственнаго воспитанія, и то, и другое отъ Церкви, со всѣмъ богатствомъ ея уставовъ и обычаевъ, ограничивая все религіозно-нравственное образованіе однимъ лишь теоретическимъ класснымъ изученіемъ вѣры православной, какъ какой-либо отвлеченной системы; то не поможетъ ли намъ въ этомъ дѣлѣ—въ дѣлѣ убѣжденія нашихъ западничествующихъ интеллигентовъ - педагоговъ въ защищаемой нами педагогической истинѣ относительно религіознаго воспитанія примѣръ Англіи, которая въ дѣлѣ религіознаго воспитанія своего юношества держится той же *практической* методы которая, какъ лучшее средство для возбужденія любви къ изучаемому предмету, входитъ теперь въ употребленіе и у насъ по отношенію къ классицизму?

Въ самомъ дѣлѣ, если для живаго ознакомленія съ древнимъ классическимъ міромъ и для любовнаго отношенія къ его философскимъ ученіямъ и эстетическимъ идеаламъ мы считаемъ необходимымъ не только читать его произведенія въ ихъ греческомъ подлинникѣ въ классѣ, а и переживать, такъ-сказать, лично самую эту жизнь—видѣть ее олицетворенною и оживленною въ драматическомъ представленіи, напримѣръ, классическихъ произведеній древности самими учениками; почему же этотъ методъ прививанія воспитанникамъ знанія извѣстныхъ истинъ и любовно-живаго отношенія къ нимъ не можетъ-быть прилагаемъ къ области религіозно-нравственной, конечно въ соотвѣтствующей ей формѣ? Если тамъ отъ временнаго и примѣрнаго только живаго воспроизведенія античнаго міра предъ глазами воспитанниковъ вполнѣ резонно ожидать добрыхъ послѣдствій, и послѣдствія эти уже есть, то почему же нельзя ожидать того же отъ постояннаго и не примѣрнаго только, но и дѣйствительно жизненнаго осуществленія и приложенія въ самомъ строѣ школьной жизни воспитанниковъ религіозно-нравственныхъ истинъ проповѣдуемыхъ въ классѣ?

Примѣръ англійскихъ школъ, объясняющій намъ какъ устроить это приложеніе, тѣмъ болѣе долженъ быть для насъ убѣдителенъ что даже сами Нѣмцы сознаются наконецъ въ превосходствѣ англійскаго строя школьной жизни предъ ихъ раціоналистическимъ, нѣмецкимъ...

V.

Наше высшее духовное правительство давно уже сознавало всю ненормальность изображеннаго нами положенія религіозно-нравственнаго образованія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ:

Еще при самомъ началѣ введенія классическаго образованія Святѣйшій Синодъ издалъ было распоряженіе о томъ чтобы при гимназіяхъ были особые домовые храмы, имѣя въ виду поставлять для такихъ храмовъ такихъ священниковъ которые, не будучи заняты приходскими дѣлами, тѣмъ удобнѣе могли бы отдаваться всецѣло дѣлу пастырства въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но это распоряженіе, какъ сказали уже мы, до послѣдняго времени оставалось лишь на бумагѣ и въ силу совсѣмъ почти не вошло, такъ что въ истекшемъ году понадобилось его повтореніе. Именно въ прошедшемъ году издано было распоряженіе Святѣйшаго Синода о томъ чтобы епархіальные архіереи назначали законоучителями гимназій не приходскихъ священниковъ, а особыхъ, съ тѣмъ чтобы они были не только классными проповѣдниками вѣры дѣтямъ, но и пастырями ихъ въ собственномъ смыслѣ слова—ихъ духовными отцами.

Распоряженіе это, очевидно, разчитано именно на то чтобы вызвать этою мѣрой скорѣйшее устройство нужныхъ для этого домовыхъ храмовъ при гимназіяхъ; поэтому-то Святѣйшій Синодъ одновременно съ этимъ распоряженіемъ вошелъ въ прямое сношеніе съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по этому вопросу. А въ настоящемъ году, согласно съ этимъ представленіемъ Святѣйшаго Синода, министръ Народнаго Просвѣщенія предписалъ гг. попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ принять *безотлагательныя* мѣры къ тому чтобы *при всѣхъ* среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были устроены домовыя церкви на имѣющіяся спеціальныя средства, а гдѣ послѣднихъ будетъ недостаточно, немедленно донести о томъ Святѣйшему Синоду въ установленномъ порядкѣ.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ что всѣ эти распоряженія направлены именно къ тому чтобы поднять религіозно-нравственное воспитаніе въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ путемъ практическаго приспособленія его въ самомъ строѣ школьной жизни къ ученію Церкви Православной, съ ея уставами и обычаями; и все менѣе того несомнѣнно и то что распоряженія эти принесутъ добрые плоды, буде они приведутся въ исполненіе.

Примѣръ тѣхъ заведеній гдѣ эти распоряженія дѣйствуютъ уже во всей силѣ можетъ служить весьма убѣдительнымъ доказательствомъ этого. Въ такихъ заведеніяхъ обыкновенно изъ самихъ воспитанниковъ образуется хоръ пѣвчихъ, поющихъ за всѣми тѣми службами за которыми обязаны присутствовать воспитанники; а чрезъ это пѣніе эти воспитанники не только ознакомляются съ порядкомъ и составомъ службъ церковныхъ, но и привыкаютъ не пассивно относиться къ нимъ, во время важнѣйшихъ моментовъ службы глазѣя по сторонамъ или думая о чемъ либо, только не о молитвѣ, а сердечно и живо участвовать въ ней. И что особенно достойно замѣчанія, такъ это то что воспитанники обыкновенно съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ принимаютъ участіе въ этомъ пѣніи и чтеніи, по собственной охотѣ отказываясь иногда для этого отъ отпусковъ въ дома родителей или родственниковъ. Еще съ большимъ удовольствіемъ принимаютъ они участіе въ чтеніи за богослуженіемъ и въ прислуживаніи священнослужащимъ въ олтарѣ.

Что же касается значенія домовой церкви при гимназіи для болѣе успѣшнаго класснаго преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ Закона Божія, то объ этомъ и говорить нечего. Напримѣръ, объясненіе богослуженія православной церкви — устройства храма и его принадлежностей, священнослужительскихъ облаченій, сосудовъ, богослужебныхъ книгъ и т. п., если оно ведется въ классѣ и по книгѣ только, хотя бы и съ рисунками, далеко не то же что объясненіе преподаваемаго въ самомъ храмѣ наглядно, съ показываніемъ всѣхъ этихъ вещей. При послѣдняго рода практическомъ преподаваніи объясненія наставника усвояются несравненно легче, осмысленнѣе и тверже, чѣмъ при классныхъ урокахъ. Не мало и другихъ благотворно воспитательныхъ дѣйствій имѣютъ указанныя нами мѣры, и мы думаемъ что не мало лицъ которыя подобно намъ встрѣтили ихъ съ чувствомъ живѣйшей радости и глубочайшей благодарности начальству.

Слава Богу, благое начало благому дѣлу наконецъ положено! Но именно только начало, которое, какъ и всякое другое начало, если оно останется безъ продолженія и окончанія, можетъ, если не быть, то чувствоваться особенно грустно и тягостно.

Да, указанныя нами мѣропріятія высшаго духовнаго и свѣтскаго правительства кажутся намъ именно такимъ благимъ началомъ, за которымъ необходимо ждется дальнѣйшее продолженіе. Указанныя нами мѣропріятія невольно вызываютъ цѣлый рядъ вопросовъ и ожиданій. Неужели въ самомъ дѣлѣ, думалось намъ при вѣсти объ этихъ мѣропріятіяхъ, думается и теперь, дѣло на этомъ и остановится и не будетъ доведено до конца? Неужели никто не позаботится о томъ, чтобы при нашихъ гимназіяхъ были не только храмы и пастыри, но и пасомые—молящіеся въ этихъ храмахъ и исполняющіе всѣ другіе уставы и обряды Православной Церкви, а въ несомнѣнно истинныя и надежныя средства для усвоенія себѣ вѣры Христовой и утвержденія въ ней?

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ что при всѣхъ гимназіяхъ будутъ домовыя церкви, и законоучители будутъ совершать въ нихъ богослуженія въ воскресные и праздничные дни, за которыми будутъ присутствовать одни только ученики и ни одного учителя; неужели можно думать что это нисколько не умалитъ въ глазахъ воспитанниковъ значенія и важности богослуженія и не охладитъ ихъ ревности къ этому богослуженію? Едва ли. А что такія явленія будутъ вполнѣ возможны, если не будетъ распоряженія объ обязательномъ присутствованіи за богослуженіемъ вмѣстѣ съ учениками и учителей, какъ есть это въ англійскихъ

школахъ, объ этомъ съ полною вѣроятностію можно заключить изъ того что эти явленія бываютъ теперь; да, и теперь бываетъ что въ то время какъ ученики при утствуютъ за всенощнымъ бдѣніемъ подъ праздникъ, а учителя, подъ тѣмъ предлогомъ что этотъ вечеръ единственный когда они могутъ просидѣть долго, потому что на утро могутъ спать *долго*. вмѣсто всенощной собираются „на винтъ", какъ будто малыя дѣти присутствующія за службой менѣе ихъ трудились по своему, а они менѣе дѣтей нуждаются въ освящающей людей благодати Божіей! Не потому ли, что нѣкоторые изъ такихъ учителей фарисейски считаютъ себя болѣе праведными, чѣмъ прочія человѣцы, они удаляются и отъ ежегодной исповѣди?.. Да, бываютъ и такіе и... состоятъ педагогами...

Или вотъ ученикъ выслушалъ въ классѣ на урокахъ Закона Божія ученіе Православной Церкви о постѣ, о великопостномъ богослуженіи—о литургіи преждеосвященныхъ даровъ, о покаянномъ канонѣ Пр. Андрея Критскаго и о глубоко-поучительномъ значеніи всего этого; наступила первая седмица Великаго Поста; простены вѣры спѣшатъ отликнуться на повсюду раздающійся благовѣстъ церковный, толпами идутъ послушать „мееимоны", говѣютъ и въ субботу пріобщаются Св. Таинъ. Одни дѣти обучающіяся въ нашихъ гимназіяхъ какъ безысходные труженики не имѣютъ времени послушать этотъ умилительный каноиъ, поговѣть и пріобщиться Святыхъ Таинъ и должны откладывать говѣнье до Страстной недѣли; а тогда они только-что на Вербное воскресеніе пріѣхавъ домой изъ города, при той иногда распутицѣ которая бываетъ нерѣдко въ это время, еле-еле побываютъ за службой въ великую среду, съ тѣмъ чтобы послѣ службы исповѣдаться, а въ четвергъ пріобщаться. Такъ и остаются для нихъ пустымъ звукомъ всѣ рѣчи законоучителя о преждеосвященныхъ литургіяхъ, о каноиѣ Андрея Критскаго и т. п.

Неужели это нормально и нравственно воспитательно? Неужели можно серіозно говорить что прекращеніе или уменьшеніе классныхъ занятій на первой недѣлѣ Великаго поста для слушанія, напримѣръ, канона Андрея Критскаго такой большой ущербъ принесетъ этимъ класснымъ занятіямъ, что ради него нельзя допустить этого уменьшенія или отмѣны нѣсколькихъ уроковъ? Или эти уроки необходимы, а каноиъ тотъ они услышатъ и послѣ, когда выростутъ? Конечно, но будутъ ли только слушать-то тогда?...

Еще примѣръ. Вотъ всероссійскіе праздники въ честь святителей московскихъ и преподобнаго Сергія—этихъ не только Москвой, а и всею Россіей чтимыхъ покровителей Московскаго царства—его строителей и собирателей; въ московскихъ гимназіяхъ, точно такъ же какъ и въ сибирскихъ, уроки идутъ своимъ чередомъ и ученики и даже учителя забываютъ даже когда бываютъ эти праздники.

Это ли строй религіозно - православнаго воспитанія въ духѣ Церкви Православной, согласный съ ея ученіемъ и завѣтами? Это ли значитъ воспитывать „не внѣ Церкви, не рядомъ только съ Церковію, а въ самой Церкви"?

Но если при изученіи классическихъ языковъ „интересы нашего просвѣщенія не требуютъ того чтобы наша молодежь ненавидѣла древній классическій міръ"; то неужели нужно содѣйствовать тому по отношенію къ Церкви и ея уставамъ? Тамъ для возбужденія въ воспитанникахъ любви къ классической литературѣ и вообще античному міру считается, и вполнѣ резонно считается справедливымъ „не объ одной граматикѣ заботиться, не меньшимъ количествомъ ошибокъ въ письменныхъ работахъ своихъ питомцевъ щеголять и не однимъ класснымъ чтеніемъ греческихъ авторовъ ограничиваться, а стараться ввести, такъ-сказать, воспитанниковъ въ самый этотъ античный міръ путемъ литературныхъ чтеній изъ греко-римскихъ писателей, постановкой на сценѣ греческихъ трагедій съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ чтобы въ ней принимали живое участіе сами воспитанники."

„Внѣшняя обстановка самой гимназіи можетъ, говоритъ г. Гримгмутъ *въ названной выше статьѣ* его (въ № 51 и 69 *М ск. Вѣд.*), содѣйствовать той же цѣли картинами изъ древняго быта, античными статуями и бюстами, выбранными изъ классическихъ авторовъ памятными стихами и изреченіями украшающими въ видѣ изящныхъ надписей стѣны заведенія."

Изображая въ той же статьѣ благотворное (въ смыслѣ возбужденія въ воспитанникахъ любви къ античному міру) значеніе подобнаго рода практическихъ средствъ и особенно греческихъ спектаклей, г. Гримгмутъ говоритъ между прочимъ:

„Восторженное настроеніе которое при такой постановкѣ охватываетъ юныхъ исполнителей и сообщается всѣмъ ихъ товарищамъ, не поддается никакому описанію. Все учебное заведеніе живетъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока идутъ приготовленія и репетиціи, въ какой-то поэтической атмосферѣ съ приподнятымъ духомъ жизнерадостности, предъ которою исчезаетъ блѣдная, скучная проза повседневной монотонной жизни."

Почему же для возбужденія въ этихъ самыхъ воспитанникахъ любви не къ интеллектуальнымъ только и эстетическимъ идеаламъ классическаго міра, но къ идеаламъ высшимъ этихъ послѣднихъ, — къ этическимъ идеаламъ христіанства, которые должны лечь въ основу всей духовной жизни нашихъ дѣтей, не могутъ быть употребляемы практическія средства, которыя, по характеру своего воздѣйствія на душу, однородны съ указанными практическими пріемами классицизма, а по своему содержанію и формѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ самому существу вѣры и жизни христіанской? Почему наряду съ теоретическимъ изученіемъ христіанскаго вѣро-и-нравоученія и, какъ выраженія его, богослуженія, обрядовъ и уставовъ церкви, не можетъ быть практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ самымъ этимъ богослуженіемъ, обрядами и уставами, путемъ строгаго исполненія этихъ уставовъ и обрядовъ воспитанниками и живаго участія ихъ въ этомъ богослуженіи? Почему наряду съ картинами изъ древне-греческой жизни и надписями изъ классиковъ школьныя комнаты не могутъ быть украшаемы церковно-историческими картинами, библейскими и святоотеческими изреченіями? Почему, въ соотвѣтствіе съ литературными чтеніями изъ греко-римскихъ писателей не могутъ быть введены въ нашихъ школахъ утреннія и вечернія молитвы, чтеніе дневнаго Евангелія, религіозно-нравственныя внѣбогослужебныя собесѣдованія, съ пѣніемъ духовныхъ гимновъ, туманными картинами и т. п.? Почему для возбужденія, оживленія и укрѣпленія въ душахъ воспитанниковъ истинно-христіанскихъ чувствованій и настроеній не можетъ быть введено въ нашихъ школахъ живое участіе воспитанниковъ въ богослуженіи (чтеніемъ и пѣніемъ), соблюденіе обрядовъ и уставовъ великопостнаго общаго говѣнія, съ слушаніемъ, напримѣръ, хоть нѣсколькихъ литургій преждеосвященныхъ даровъ, канона Св. Андрея Критскаго и т. п.?

При такой постановкѣ дѣла религіозно нравственнаго воспитанія нашего юношества каждая наша школа представляла бы изъ себя одну семью, нѣчто единое цѣлое, она была бы не въ отношеніи только къ наукамъ и образованію, но и въ религіозно нравственномъ отношеніи *единою духовною семьей, единою домашнею церковью!*..

Со стороны нашихъ христіанствующихъ раціоналистовъ мнѣ уже сыплются возраженія на эти pia desideria. Я убѣжденъ что одни, прочтя эти строки, думаютъ о невыполнимости высказанныхъ въ нихъ предположеній, другіе—о трудности ихъ, а третьи даже о полной ихъ непригодности.

Спѣшу отвѣтить возражателямъ послѣдняго рода что и я вѣроятно совершенно согласенъ съ такой думой что предлагаемыя мною мѣры вмѣсто пользы принесутъ вредъ, вмѣсто положительнаго, благотворнаго вліянія на религіозно-нравственное состояніе дѣтей произведутъ обратное дѣйствіе и разовьютъ въ нихъ ханжество, лицемѣріе и фарисейство; но это въ томъ лишь случаѣ если всѣ эти мѣры мы будемъ считать обязательными для однихъ лишь дѣтей и учениковъ нашихъ, а не вмѣстѣ съ тѣмъ и для самихъ себя, если мы насильно будемъ заставлять исполнять тѣ или иные церковные уставы и обряды однихъ лишь дѣтей, а сами лишь свысока, начальнически будемъ надсматривать за ними, не подавая имъ въ этомъ отношеніи никакого добраго примѣра, а пожалуй еще наоборотъ.

Тогда возможно что подобнаго рода мѣрами мы разовьемъ въ дѣтяхъ не только лицемѣріе и фарисейство, а и еще хуже—кощунственное невѣріе. Но за то тогда и причина этого будетъ лежать не въ самомъ этомъ воспитаніи, а въ личномъ отношеніи къ нему воспитателей и учителей. Они своимъ небрежнымъ и критически-недовѣрчивымъ отношеніемъ къ такимъ церковнымъ обрядамъ и установленіямъ будутъ виноваты въ томъ что воспитанники станутъ относиться къ такимъ обрядамъ и установленіямъ то фарисейски лицемѣрно, то недовѣрчиво пренебрежительно. Они—эти высокомудрствующіе педагоги и учители повинны будутъ въ этомъ соблазнѣ малыхъ сихъ—въ томъ соблазнѣ, за который, по слову Господа, мало потопить соблазнителя въ пучинѣ морской съ камнемъ на шеѣ (Мѳ. 18, 6)...

Но совсѣмъ другое дѣло, если въ исполненіи церковныхъ обрядовъ и уставовъ, наравнѣ съ дѣтьми, примутъ участіе и учители и воспитатели, если и эти послѣдніе отнесутся къ нимъ съ сознаніемъ важности долга ихъ, со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ. Тогда самое это благоговѣйно внимательное отношеніе ихъ къ этимъ обрядамъ и уставамъ будетъ для воспитанниковъ авторитетнымъ подтвержденіемъ истинности и важнаго значенія ихъ.

Примѣръ народной школы г. Рачинскаго, въ которой все это практически-обрядовое религіозное воспитаніе ведется со всею аккуратностію, при живомъ участіи самихъ учителей, и производитъ благотворное вліяніе не только на питомцевъ школы но и на людей совершенно посторонних, лучше всякихъ разсужденій подтверждаетъ истинность сдѣланнаго нами заключенія. Но онъ же объясняетъ намъ и то, какъ устроить это дѣло и на что должно быть обращено вниманіе. Или, можетъ-быть, то что нужно и хорошо для народа, не нужно для образованныхъ классовъ общества? Или у этого послѣдняго нѣтъ времени въ религіозно-нравственномъ отношеніи быть такъ же основательно свѣдущими и широко развитыми, какъ свѣдущи и развиты они въ умственно-эстетическомъ? Или... но довольно. Много еще можно поставить этихъ „или“, и всѣ они только будутъ обличать несостоятельность мнѣнія возражателей.

Мы окончили свою рѣчь. Какой выводъ изъ нея слѣдуетъ по вопросу о классическомъ образованіи и христіанскомъ воспитаніи въ ихъ взаимоотношеніи, поставленному нами въ заглавіи этой рѣчи?

Очевидно тотъ что примѣръ Св. Отцовъ и Учителей древней Церкви, воспитанныхъ на живомъ и сознательномъ изученіи классическихъ писателей, подтверждаетъ истинность великаго воспитательнаго значенія классическаго образованія въ христіанской школѣ, если оно будетъ состоять не въ одномъ изученіи грамматики, но и въ практическомъ ознакомленіи съ самымъ духомъ и жизнію античнаго міра. Для того же чтобъ это воспитательное значеніе классицизма не стояло отдѣльно отъ Церкви, а въ ней именно имѣло мѣсто, должно въ соотвѣтствіе съ объемомъ и характеромъ классическаго образованія поставить и положительное христіанское религіозно-нравственное образованіе; а это послѣднее должно состоять въ классномъ ознакомленіи воспитанниковъ не только съ учебными сводами и системами христіанской вѣры, а и съ самыми основоположительными источниками ея—Св. Писаніемъ и преданіемъ *въ ихъ подлинномъ текстѣ*, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ главныхъ частяхъ ихъ, которыя рельефнѣе другихъ выставляютъ на видъ противоположность между христіанствомъ и язычествомъ, и затѣмъ въ практическомъ освоеніи воспитанниковъ съ обрядами и уставами Православной Церкви; а для этого необходимо позаботиться не только о томъ чтобы при нашихъ гимназіяхъ были храмы и особые пастыри—не законоучители только, а и отцы, а и о томъ, чтобъ обряды и уставы церковные исполняемы были и въ школахъ такъ же, какъ исполняются они самимъ народомъ въ его лучшей части, и чтобы въ исполненіи этомъ наравнѣ съ воспитанниками принимали участіе и учители и воспитатели.

Свящ. І. СОЛОВЬЕВЪ.

Дозволено цензурой. Москва, 2 октября 1891 года.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.